

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44
ИЗО

Серия «Детектив — самое лучшее»

Christopher J. Yates
GRIST MILL ROAD

Перевод с английского А.А. Соколова

Компьютерный дизайн В.А. Воронина

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Dystel & Goderich Literary Management и Andrew Nurnberg.

ИЗО Йейтс, Кристофер Дж.
Мельничная дорога : [роман] / Кристофер Дж. Йейтс ; [перевод с английского А. А. Соколова]. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 352 с. — (Детектив — самое лучшее).

ISBN 978-5-17-114506-4

Много лет назад в маленьком городке в штате Нью-Йорк жили трое подростков. Двое неразлучных друзей: один из богатой семьи, второй – сын местного пьяницы, и самая красивая девочка в классе. Однажды они втроем поехали на велосипедах в горы. И эта невинная прогулка закончилась драматично – девочка лишилась глаза...

Прошли годы. Ребята выросли, и девочка стала женой одного из них. Но всех троих по-прежнему терзает вопрос: что же привело к печальным событиям там, в горах? Можно ли было что-то изменить? И кто виноват в случившемся?

Три истории. Три версии событий. Три очень разные правды!

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-114506-4

© Christopher J. Yates, 2017
© Перевод. А.А. Соколов, 2019
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2019

*Посвящается моей матери Джун –
в благодарность за все мои первые истории*

*Аромат сосны.
Только представьте, что я ощущаю!*

ЧАСТЬ I

ПЭТЧ

Нью-Йорк

Помню, как звучали выстрелы — словно шлепки по воде: чпок, чпок, чпок. И каждый раз она вскрикивала, когда он попадал в нее. Прикидываю, сколько это продолжается: минут десять. Я же стою и просто наблюдаю.

Я не заметил, когда осознал, что начал считать. Восемь, девять, десять. Долго казалось, будто все чувства, кроме зрения, выключены. Но как только сообразил, что считаю выстрелы, стал за это цепляться — восемнадцать, девятнадцать, двадцать, — поскольку ощущение равновесия исчезло вместе с остальным. Я стоял на краю тошнотворной бездны, куда не хотел свалиться, а весь мир был вне всякого понимания.

Двадцать шесть, двадцать семь, двадцать восемь.

Это не реальность, а представление. И представление не для меня. Я из тех мальчиков, которым даже не разрешалось засиживаться допоздна и смотреть жестокие передачи. Абсурд — немое кино с русскими субтитрами.

Тем не менее я смотрел.

Что это значит — смотреть? Смотреть, если перед тобой совершается преступление? Это неспособность действовать или успешное усилие не закрыть глаза?

Мне было двенадцать. Двенадцать лет.

Сорок один, сорок два, сорок три... А в газетах сообщалось, что Ханну ранили тридцатью семью выстрелами из

моей воздушки «Ред райдер», так что Мэтью, видимо, несколько раз промазал или, что более вероятно, недостающие пульки отскочили от веревок. Мэтью накрутил много веревок, и ему приходилось прицеливаться в промежутки. К тому времени мы оба научились довольно метко стрелять. Я мог вклеить пульку в банку содовой с тридцати шагов, держа ружье одной рукой, а Мэтью уж точно считал себя стрелком лучше, чем я. Не говоря о Хосе.

Все постепенно стихало. Вскрики Ханны звучали приглушенно. Слышался плач, но негромкий.

До тех пор...

Когда Мэтью нажал на курок в сорок девятый и последний раз, Ханна только всхлипнула, но этот пронзительный звук сразу замер в ее горле. Он был сам по себе тошнотворен, однако в моей памяти отложилось, будто наступившая тишина стала громче плача.

Перед глазами картина: Ханна отворачивает голову, несмотря на обвившую шею веревку, — абсурдно запоздалый рефлекс.

Лес погрузился в еще большее безмолвие. Как во время грозы, когда после вспышки молнии ждешь раската грома, чтобы понять, насколько приблизилась туча.

Но вот голова Ханны вернулась на место. Подбородок ткнулся в грудь, и длинные темные волосы рассыпались по лицу.

Мэтью стоял неподвижно, словно оловянный солдатик, я тоже замер, будто вросший в землю, не дыша и стараясь в свои последние секунды овладеть хотя бы в малой мере контролем над жизнью. Мир в это мгновение сократился до узкой ленты наподобие рассказа в картинках в газете: начинался с упертого в плечо Мэтью приклада и заканчивался привязанной к дереву неподвижной Ханной. Но

вскоре раздался звук, который вывел нас обоих из этого состояния — кто-то мелкий прошуршал в подлеске. Голова Мэтью дернулась, тело ожило. Он осторожно, почти почтительно прислонил ружье к камню и двинулся вперед, пока не оказался на расстоянии вытянутой руки от Ханны. Остановился и принялся вглядываться в нее, словно она была тьмой в пещере. Поднял веточку и ткнул ей в руку.

Никакой реакции.

Пихнул снова. Плоть Ханны была похожа на тесто — в коже появилось углубление и стало постепенно заполняться. Мэтью поднял веточку выше, но еще колебался: что за мир прячется за занавесом?

А затем раздвинул ее волосы. Вот тогда я впервые заметил кровь на подбородке Ханны. Она текла на воротник тенниски, и он все больше краснел.

Я отвернулся, сплюнул на землю и обвел взглядом лес, стараясь понять, не было ли других свидетелей того, что сейчас здесь случилось. Снова посмотрел на Ханну: Мэтью все еще держал ветку под прядью ее волос, будто, склонив голову, читал в книжной лавке корешки томов.

— Ну-ка, подойди, — произнес он.

Я прижал ладонь к переносице, пытаюсь унять растущее во лбу ощущение взрывающейся новой вселенной.

— Пулька из воздушки вошла ей прямо в глаз, — объяснил Мэтью. — И пробила мозг. Она мертвее мертвого.

Тереть лоб не помогло — тяжесть осталась, и я принялся себя колотить: пум-пум-пум. До сего дня моя ладонь идеально соответствует впадине между носом и бровью.

— Я сказал, иди сюда, Хитрюга. — Мэтью повернулся ко мне. — Не торчать же здесь целый день!

Хитрюгой меня называл только он. Для остальных я был Пэтч, или Патрик, иногда Пэдди, а отец говорил мне Пэдди-

бой. Зато Мэтью для всех, включая меня, только Мэтью. Не позволял сокращать свое имя и поправлял даже взрослых, если те пытались проверить, не подойдет ли ему Мэтт или Мэтти. Всякий раз спокойно и прямо заявлял: меня зовут Мэтью.

Засопев, я сделал шаг вперед, ощущая себя, наверное, так, как древние короли, когда шли в свой последний путь на эшафот — себялюбивое сравнение, но ничего не поделаешь: таковы были мои чувства в то мгновение. Я старался идти как можно ровнее, держа направление к соединенным веточкой двум фигурам, а когда остановился, Мэтью подтащил меня ближе, откуда я все прекрасно видел.

— Что скажешь, Хитрюга?

С трудом сглотнув, я скользнул взглядом по рукам Ханны и по кольцу веревки, горевшей, словно удавка на ее шее. А затем, не поворачиваясь, щурясь, посмотрел на ветку Мэтью. Там не было ничего, кроме крови и месива, и кровь уже начала запекаться. Только чернота, сырость и кожа. В левый глаз будто вдавили раздавленную темную сливу.

— Да, — сказал я, стараясь не разреветься. — Она умерла.

Мэтью отшвырнул ветку. Мы не проверили, дышит ли Ханна, не пощупали пульс.

Я постоял еще немного, а затем Мэтью схватил меня за рубашку и, чтобы отогнать наваждение, потащил прочь.

Мы не стали креститься. Не молились за спасение души Ханны.

Вокруг нас повсюду, подобно блинам, высились каменные пласты Свангамских гор. И наши ошибки тоже грозились одна на другую. Мы даже не разрезали веревки и не уложили Ханну на землю.

Неизвестно, что значит идеальное детство, но до той среды — жаркого желтого дня 1982 года — я думал, что у меня именно такое. Считал, что мои родители счастливы, я расту в лучшем на земле месте, возможно, даже верил в привидения, НЛО, карты Таро и безукоризненность большой бейсбольной лиги.

Мой родной город Росборн находится в девяноста милях к северу от Нью-Йорка — достаточно далеко от ада с его подстерегающими опасностями: свободной порнографией, убийствами ради развлечения и героином под рукой. Но самое прекрасное, что мы имели, — это Свангамские горы, отроги сияющего белого камня, стеной возвышающиеся за северной окраиной города. Для склонного к риску парня не придумать лучшего места для игр.

Там росли смолистые сосны, кусты голубики, над головой летали грифы-индейки. Попадались редкие туристы, но в рабочие дни не встречалось ни души. Больше всего мне там нравилось находиться в жаркие летние каникулярные дни, когда пронизанный зноем воздух непрестанно гудел от насекомых. Я любил ходить на озеро. Говорил Мэтью, что это ледяные пещеры, хотя оно было лишь озером. Воздух над спокойной гладью воды был будто разреженным, особенно на восходе, когда тихо шелестел ветерок.

Помню, там все казалось обесцвеченным, как на старых фотографиях, небо скорее прозрачное, чем голубое, камни в туманном блеске, а наши велосипеды — двух оттенков тускло-оранжевого. В прошлом году мы целое лето, запыхавшись, преодолевали на них эти три мили подъема.

Под широко раскинувшимся горным небом мы могли воображать себя кем угодно: Люком и Бо Дюком^{*}, Стар-

^{*} Персонажи американского телесериала «Придурки из Хаззарда». — *Здесь и далее примеч. пер.*

баком или Аполло, одиноким ковбоем или индейцем Тонто, играть без тормозов и вдали от скептических взглядов взрослых изобретать новые мальчишеские забавы. Стрельба в цель, олений дозор, Гудини. Мы бродили повсюду — надо было только вовремя успеть домой, чтобы отмыться перед обедом. Но также имели собственную базу — тайное место, куда попадали, продираясь сквозь заросли горного лавра. Там, разбирая брошенные хижины сборщиков голубики, соорудили свой тайный форт. Хранили в нем припасы и жестянки для стрельбы из воздушки, которая видом напоминала винчестер и называлась «Ред райдер» в честь космического ковбоя из комиксов. Таковую винтовку показали в кино «Рождественская история». О ней мечтал Ральфи — *Малыш, ты выбьешь себе глаз*, — только у моей нет компаса в прикладе, и по ней нельзя узнать, сколько времени.

«Ред райдер» был нашим оружием в оленьих дозорах, а кроме воздушки, мы брали охотничий нож с резной рукоятью и карманный раскладной. Однажды сделали копье из бамбука, который срезали во дворе Эффи Скотта, — красное растение клонилось под весом зеленых плодов. Нашли на старом цементном заводе резиновый жгут и большой гвоздь, притащили в горы и принялись соединять. Долго усовершенствовались, добиваясь равновесия, наполняли бамбук изнутри маленькими камешками и крепили к древку гвоздь так, чтобы он не оторвался при ударе о цель. Чтобы не сомневаться, что острие войдет внутрь. Потратили более часа, а закончилось все за секунды.

Когда мы решили, что копье готово, Мэтью взял его и велел мне бежать — пролаял единственное слово, будто я неизвестно чем разозлил его.

— Что?

— Беги! — повторил он, повысив голос.

При этом прикидывал вес копья, легко держа его на плече, и пробовал правильный жим, перебирая пальцами по древку, будто играл на флейте. Я не понимал, каковы намерения Мэтью, и стоял, не зная, как поступить. А он прищурился и выцеливал меня по древку — того самого копья, которое мы вместе с ним делали. Потребовалось две-три секунды, прежде чем все стало ясно.

И я побежал, не оглядываясь, пока не услышал пульсирующий звук, с которым суставчатое древко разрывало воздух, и оглянулся за мгновение до того, как острие вонзилось мне в икру. Оно вошло достаточно глубоко и, пока я замедлял бег, шагов семь-восемь, гремя, волочилося по каменистой почве.

А сейчас наступает самая трудная часть повествования: во взрослом возрасте в это сложно поверить, но я не сомневаюсь, что так оно и было. Я обернулся и, подобрав освободившееся из ноги копьё, вернул обратно Мэтью. Словно поноску охотничий пес.

Приняв горделивый вид, приятель протянул мне руки ладонями вверх. Сомкнул кулаки на древке, согнул и раз встряхнул. Хорошее было копьё. Летало, как нужно. Двадцать, тридцать ярдов.

Мэтью прислонил оружие к дереву, взял меня за плечи и длинно присвистнул, как это делают, прочитав, что некий мальчишка выиграл в лотерею целую кучу денег.

Оглянувшись, я увидел дырку в икре и кровь. Крови не так много, но достаточно, чтобы струйка стекла за задник кроссовки.

— Ерундовая рана, — прокомментировал Мэтью.

Я посмотрел на копьё. Гвоздь на конце заржавел. У меня не сохранилось в памяти, знал ли я что-нибудь в ту пору о столбняке, однако понимал: о том, что случилось, надо,

наверное, кому-нибудь рассказать. Хотя, догадываюсь, почему в детстве не слишком о себе откровенничал: стыдился и боялся, что накличу на себя неприятности. Вместо того чтобы сообщить о ране взрослым, я нацепил длинные штаны и, не снимая их неделю, опасался, что мне зададут вопрос почему. Но понятия не имел, с какой стати меня должны были спрашивать, для чего я хожу в длинных штанах.

— Подожди! — бросил Мэтью, снова потянувшись к копыю, и дернул меня к себе, словно я снова был готов пуститься наутек. — Стой, тебе говорят! — Он ткнул в меня пальцем.

То беги. То замри. То не шевелись.

Рану стало печь.

Мэтью снял с себя футболку, и, я готов был поклясться, что сейчас он наклонится и натрет себя грязью или соком раздавленных ягод. Когда Мэтью взял копые, я зажмурился. Через несколько секунд услышал, как что-то рвется. Открыл глаза и сообразил, что при помощи нашего копия Мэтью проделывает в ткани отверстие. Затем он разорвал футболку на полосы. Заставил меня повернуться и, поплевав на ладонь, стер с моей ноги кровь. Я вздрогнул, когда его мокрые пальцы коснулись саднившей раны. Икра стала чистой, Мэтью дважды обмотал ногу полоской ткани от разорванной футболки и завязал на коже крепким узлом. Потом натянул на себя изуродованную футболку.

— Пошли искать оленя, Хитрюга, — предложил он.

Свангамская стрельба — под таким названием это событие стало известно — произошла ровно через год после того, как Мэтью угодил в меня копьем. Прошлый год мы почти все время проводили вместе, но в 1982 году многое изменилось.

За шесть недель до стрельбы был несчастный случай, слух о котором распространился в Росборне накануне Дня независимости Америки. Я расстроился, потому что родители мне сказали, чтобы я не приставал к Мэтью, дал ему возможность скорбеть со своими родными. И когда мы в следующий раз увиделись в среду 18 августа, казалось, что потеряли все лето.

В то утро до подъема на склон я явился на наше обычное место встречи и увидел с Мэтью девочку, Ханну Дженсен, на велосипеде. Она была в темных джинсах и красной футболке, на груди которой красовалось изображение рожка с мороженым. Я подумал, что ее присутствие имеет какое-то отношение к скорби моего приятеля — возможно, ему требуется душевная женская поддержка или нечто подобное. Если честно, от меня в этом плане толку мало. Хотя Ханна, как и мы, училась в седьмом классе, но не с нами, и я не понимал, в чем смысл ее появления. Присутствие Ханны меня огорчило.

Я решил, что план был таков: показать Ханне обычные наши места и действовать как обычно. Впервые мы брали посторонних с собой, тем более девочку. Какие уж тут олени — продемонстрируем ей наш секретный форт, постреляем по банкам, а затем Мэтью попытается закадрить ее. Мы были еще детьми, однако на извилистом пути к взрослой жизни Мэтью оторвался далеко вперед, обогнав любого в седьмом классе. Особенно меня.

Несколько недель после его появления в Росборне в классе только и говорили, что Мэтью рос не где-нибудь, а в Нью-Йорке. Но взрослым его сделало не только влияние большого города — он был на самом деле старше, — перед тем как переехать в провинцию, пропустил в школе год.

Появление Мэтью в шестом классе было подобно могучему всплеску — он был на полтора года старше меня.